

СЛАВА АСТРАХАНСКОМУ ПАРНАСУ

Так случилось, что среди астраханцев этот вид творчества оказался популярным: ещё одним басенником прославился родной край в начале 19 века – Александром Дмитриевичем Агафи.

«ПРОСИЛИ ВСЕ БОГОВ, ЧТОБ ДУБУ В НАКАЗАНЬЕ ПОСЛАЛИ ОНЫЕ ОГОНЬ НЕБЕСНОЙ СВОЙ»

Необычная фамилия нашего героя – свидетельство принадлежности, как минимум, к греческой цивилизации. Его отец Дмитрий Агафи – знаток многих европейских и восточных языков, член Падуанской и Пизанской академий. Каким ветром занесло его на русскую службу – неизвестно. Знаем только, что приехал он в Астрахань в связи с организацией здесь главного народного училища. В 1786 г. вышел указ о реорганизации школьного дела в России, а спустя два года вместо существовавшей тогда в Астрахани гарнизонной школы открылось главное народное училище.

Факт передачи образовательной эстафеты от старого к новому учебному заведению был символичным. Прежняя школа располагалась в стенах Троицкого монастыря с 1765 по 1785 г. Когда настало время менять формат образования в связи с новым указом, лишние монастырские постройки сломали, а кирпич передали на строительство здания нового училища. Правда, процесс строительства затянулся аж до 1798 г. Кроме стен, училище унаследовало все проблемы предшественника – отсутствие помещений для занятий, материально-технической базы, квалифицированных учителей. Курировал работу училища Приказ общественного презрения, который образовательным процессом интересовался наряду с проблемой содержания сырых, убогих и больных.

Дмитрий Агафи неоднократно обращался в присутствии Приказа и писал о крайней нужде в самом необходимом. В одном из рапортов он сообщал, что сверх полученных от Приказа 100 рублей на мелкие расходы он употребил из своих собственных 77 рублей 95 копеек.

«ОКОНЧИВ ВСЕ ТРУДЫ, ОСТАВЯ ВСЕ ЗАБОТЫ...»

Около 1792 г. у Дмитрия Агафи появился сын, которого счастливые родители назвали Александром.

Есть свидетельство и того, что Дмитрий Агафи отправился в путешествие из Астрахани по Персии, Индии и Кашемиру. Что и говорить, маршрут небезопасный, особенно в условиях того времени. Что заставило Агафи поехать, оставив малолетнего ребёнка? Может быть, научный интерес? Конец 18 – начало 19 вв. – время, когда множество экспедиций устремилось в разные уголки огромной Родины с целью изучения флоры и фауны, полезных ископаемых, народов и пр. А, может быть, и какое-то важное задание. Ведь Дмитрий Агафи – знаток европейских и восточных языков, а в то время к этому региону большой интерес проявляла Англия. Но как бы там ни было, старший Агафи уехал на Восток, а в 1795 г. умер в Астрахани.

Александр же, войдя в ученический возраст, окончил учебное заведение и в 1809 г. поступил в Казанский университет. Тогда высшая школа готовила специалистов всего за три года. Получив

аттестат в 1812 г., в обер-офицерском чине Александр поступил на службу в канцелярию астраханского губернатора. Согласно новому порядку гражданской службы, образованные чиновники получали преимущества, и в дальнейшем их чинопроизводство по выслуге лет происходило быстрее. Но у нашего героя всё сложилось иначе.

«СЧАСТЛИВ ТОТ, КТО ВЕК БЕЗВЕСТНО ПРОЖИВАЕТ, ХОТЯ НЕ СЛАВЕН ОН, НО БЕД ВСЮ ЖИЗНЬ НЕ ЗНАЕТ!»

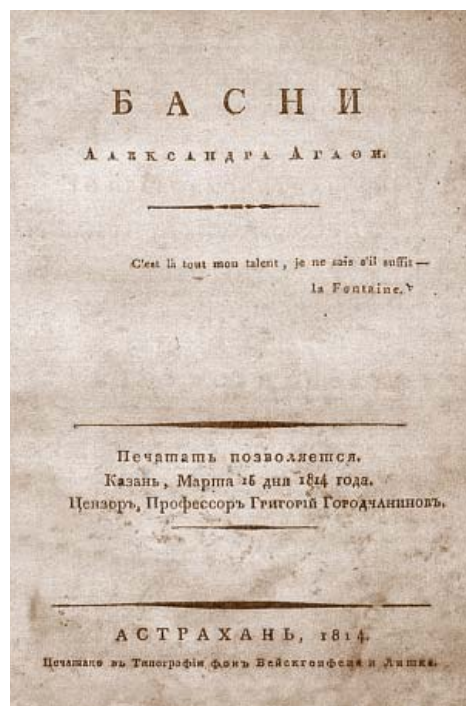
Есть сведения о том, что Александр Агафи был членом Казанского общества любителей отечественной словесности и, возможно, ещё в Казани увлекался стихосложением. Вернувшись на родину, сразу удивил своим басенным творчеством, которое первыми узнали читатели первой астраханской газеты «Восточные известия».

Инициатором «Восточных известий» стал Иосиф Антонович Вейсгопфен, выходец из Тироля, выпускник Венского университета. В 1806 г. он приехал в Россию и в 1811 г. стал учителем немецкого языка в Астраханской гимназии. В том же году решил издавать еженедельную газету и прикупил собственную типографию. Первый номер газеты вышел в конце 1813 г.

А в 1814 г. Александр Агафи в его издательстве опубликовал отдельным сборником двенадцать басен, посвятив книгу губернатору С.С. Андреевскому. И это был не только ловкий ход молодого чиновника. Степан Семёнович Андреевский был удивительным человеком. Его путь в кресло астраханского губернатора пролёг через медицину. Кстати, Андреевский был одним из первых, кто подробно изучил (привив себе язвенный материал) и описал болезнь, получившую название «сибирская язва». Отдав много сил на развитие медицинского образования в России, Степан Семёнович перешёл на службу в Министерство финансов, вице-губернаторствовал в Гродно и Киеве, а затем стал губернатором в Астрахани в памятный для России 1812 г.

«ЧТОБ ВСЯКОЙ ПО ТРУДАМ ЗАКОННУ ЧАСТЬ ИМЕЛ»

Интересно и то, что во времена С.С. Андреевского в городе сформировался некий круг людей, явно хорошо знакомых друг с другом и наложивших отпечаток на культурную жизнь города. Помимо уже перечисленных персонажей, не забудем упомянуть об отставном поручике Андрее Грузинове – по сути, организаторе первого астраханского драматического театра. Его биография ещё более таинственна. Мы не знаем его возраста и по какой причине он вышел в отставку, где вообще служил. Можем лишь предположить, что человек он был не бедный, несмотря на скромность своего офицерского чина. В русской армии начала 19 в. офицеры, прослужившие беспорочно 20 лет, получали инвалидное содержание, 30 лет – половинное по чину жалование, а 40 лет – полное жалование в виде пенсии. При этом ставших неспособными к службе из-за полученных в боях ранений положено было обеспечивать «приличным служебным» содержанием независимо от выслуги. Таким образом было предусмотрено, чтобы никто из бывших офицеров не остался без средств к существованию и не позорил бы офицерское звание нищенством. Андрей Грузинов ру-

ководил работой астраханского театра с 1810 по 1817 г. и наверняка вращался в одном круге с нашим героем.

«ВОТ ЭТА ЧАСТЬ МОЯ ПО СИЛЕ ДОГОВОРА...»

Был и ещё один персонаж – А.А. Храповицкий, вступивший в должность директора народных училищ Астраханской губернии в 1807 г. в возрасте двадцати семи лет. Он осуществлял цензуру – и весьма жёсткую – упоминавшихся «Восточных известий». Как утверждали руководители Казанского учебного округа: «Нам совершенно неизвестно, насколько Храповицкий был подготовлен к педагогической деятельности и каков был его образовательный ценз, но знаем, что это был человек любознательный; от него сохранилась рукопись «Описание Астрахани», которую он доставил в Казань в качестве члена общества любителей русской словесности».

Впрочем, есть данные, что А. Храповицкий учился в Дерптском университете. Человек он был неоднозначный. С одной стороны, его считали инициатором и основателем кружка «Друзей человечества». Кружок собирал средства на расширение сети учебных заведений в губернии, покупку книг и наглядных пособий, материальную помощь нуждавшимся ученикам. С другой – те же руководители Казанского учебного округа констатировали, что «в Астрахани не только учитель французского языка Дюро вытрезвляется в полиции, но тому же режиму подчиняются и другие учителя». Кроме того, во вверенной Храповицкому гимназии на нетрезвой почве возникали скандалы между педагогами, а уровень подготовки детей был крайне низким. Всплыла и история с контрабандой медных денег в Персию и другие восточные страны, в которую оказался замешан и директор народных училищ. Впрочем, уже в 1819 г. А. Храповицкий перешёл на службу по финансовой части, а затем и вовсе уехал в Петербург.

О нашем герое мы не забыли, увлекшись описанием круга его общения. Тем более что ничего к его биографии добавить уже не сможем, разве что назвать дату его смерти – 1816 г. Что послужило причиной гибели совсем молодого человека – неизвестно. В журнале «Сын отечества» за 1814 г. литератор и критик Николай Сушков написал о произведениях А.Д. Агафи: «Скажем в похвалу сих ба-

КОТЁНОК И ЧИЖ

Котёнок с чижином

от самой колыбели
Всё вместе жили, как друзья:
С одной посуды пили, ели,
И ненавистных слов –
мой, твой, твоя, моя –
В их не входило разговоры.
Случалось им играть,
однако же до ссоры
Им не случалось доиграть:
Чижиносиком клонюёт,
а кот, как больно стало,
Легонько лапкою
даёт чижу узнать,
Что у него почти терпенье
всё пропало.

К таким приятелям
однажды чижиносик другой,
Совсем незнаемый – лесной –
Изволил прилететь в беседу.
Две птицы подрались
за что-то меж собой.

«Как! Наши обижать! –
кот думает. – Постой!
Вот я дружка доеду!»
И в миг на помощь полетел;
Схватил врага и – съел...
Да мясо у чижей
Превкусное – ей-ей!
«Мне этого и в ум совсем
не приходило, –
Кот думает в себе. –
Ну, как бы то ни было,
Вперед я буду знать;
а между тем...»

Ещё поем!»
Потом он съел другого –
Не дикого-лесного,
Но друга дорогого.
Какую же мораль
я должен здесь сказать?
О вы, которым власть
употреблять законы
Судьбою вручена
для слабых обороны!
Вам смысл сей басенки
нетрудно отгадать.

БЫК И ЛЯГУШКА

Лягушка,
увидав огромного Быка,
Хотела так же быть
толста и велика.
И так, чтоб с ним
во всём сравняться,
Старалась она
как можно надуваться.
«Послушай-ка, мой свет! –
Кричала так она подружке,
Одноболотной с ней Лягушке. –
Похожа ли теперь я на Быка
или нет?»
– «Никак». – «Ну, вот теперь?»
– «Нимало». –
– «Фу, пропасть! Ну, ещё?»
– «Ещё всё ничего». –
– «Во что бы то ни стало,
А буду походить я очень на него!» –
Так думала она; и снова надуваться
В досаде принялась,
сколь можно было ей.
Однако ж лопнула,
но не смогла сравняться
С Быком величиной своей.

сен, что их после Хемницера, Дмитриева, Крылова и некоторых басен Измайлова можно прочесть с удовольствием. Слава астраханскому Парнасу!»

Елена Казакова